

Утренний выпуск:

Объявления за строку петита калл
грамм. с 10 мѣсто: въ Латвіи въ текстѣ 1 Л.
40 с. (70 р.), предл. труда 14 с. (7 р.), позади
текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога.
Для заграницы 10 амер. цент. за строку.

Ред.: Рига, Мельничная 57 (уг.
Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. арх. —
21733 и 21334, вочн. редакц. — 21334.
Главная контора и экспедиція Рига,
Мельничная ул. 57. Тел. конторы
21030, телеф. рекламного отдѣла 21225.

СЕГООДНЯ

№ 178.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

12-й г. изд.

Понедѣльникъ,
30 іюня 1930 года.

Цѣна номера въ Латвіи 12 цент. (6 р.)
въ Литвѣ за оба изд. 60 цент. Подписная
плата на „Сегоднѣ“ въ мѣсяць (за
7 номер. въ недѣлю) въ Латвіи 3 Л. 75 цент.
(175 р.), загр. 5 Л. 20 с. (260 р.) или 1 амер. долл.
Подп. пл. на „Сегоднѣ“ и „Сегоднѣ
Вечеромъ“ (13 ном. въ нед.): въ Латвіи
Л. 6.—, загр. 8 Л. 50 с. или 1.70 америк. долл.

Возвышение Чехова.

Кто внимательно следит за современной зарубежной русской литературой, тот, конечно, не мог не отметить в журналах статей за подписью: П. Бицилли. Всегда изящно написанным, всегда умным, глубоким, живым, остроумным, свидетельствующим не только о таланте, но и о больших знаниях автора. Автор — живущий ныне в Софии профессор Петр Михайлович Бицилли. Он специалист по всеобщей истории и по истории всеобщей литературы. Но диапазон его знаний так широк, что едва ли есть хоть один вопрос всемирной и русской культурной жизни, которым бы он не интересовался, над которым бы не размышлял.

При очень больших знаниях П. М. Бицилли совершенно чужд педантизма. Он чрезвычайно современен. Прошлое интересует его, как источник настоящего и предвстник будущего. Свою «современность» он только что доказал блестящим образом. Проф. П. М. Бицилли, человек поколения восьмидесятих годов, первый замечал, литературно закреплял и объяснял ту новую тигу к Чехову, которая вдруг в настоящее время проявилась среди молодого поколения зарубежных русских. О том, что творится в этой области в СССР, судить трудно. Там всюду стоит кривым зеркалом. Подлинная литература в опале и в подполье. На поверхности и в казенных библиотеках на первом месте — глупая тенденциозная бедарь. Но, повединому, тага к Чехову скамывается и там.

Нельзя утверждать, что в зарубежных

русских библиотеках Чехов, стоит теперь на первом месте спрашиваемых книг. Библиотечная популярность писателя, конечно, важный культурный показатель, которым не следует пренебрегать. Но невозможно и ставить его во главу угла. Кроме количественных, существуют еще и показатели качественные. Если выбрать из русской молодежи ее наиболее развитую часть, людей со вкусом и с интересом к литературе, то на вопрос о русском писателе, наиболее им в данное время близком, чаще всего услышим в ответ не Толстой и Достоевский, как можно было бы ожидать, а: — Чехов.

На этот любопытный для современного настроения факт, П. М. Бицилли первый обратил внимание. Сначала в небольшой заметке в «Числах», теперь в более обстоятельном докладе в Праге на собрании союза русских писателей П. М. Бицилли пытался объяснить это явление, по новому освещая все творчество А. П. Чехова.

Вызванный докладом П. М. Бицилли оживленные прения, в которых участвовали представители как старого (Е. Н. Чариков, В. Ф. Булгаков и др.), так и молодого поколения (Р. В. Плетнев, А. В. Эйснер и др.), действительно, доказали, что А. П. Чехов больше, чем кто-либо, влиятелен из писателей до-революционного времени вольнует современную русскую молодежь.

Почему? П. М. Бицилли занимался, вообще говоря, пересмотром процесса между

русскими и чехами, востекших уже со смерти Чехова, критика до сих пор не ушла дальше уже тогда установившегося трафарета. Талантливый писатель тургеневской школы, но без обихид идей, без общего мировоззрения, певец будней, сумерек, нытиков, бездельных, на что немужных людей.

П. М. Бицилли со всей энергией встал против такой характеристики Чехова. Чехову не нужно было искусственное книжное мировоззрение потому, что он обладал тем, — то большим: религиозным отношением к жизни и к людям. Он относится к ним, как добрый русский врач ко всем своим пациентам: он их любит и жалует. Жалует потому, что видит в них во всей правде, безо всякой идеализации, но он их любит именно такими, как они существуют.

Чехов — самый правдивый из русских писателей. Толстой все время пытался создавать идеальных героев. Для меня лично — признался П. М. Бицилли — Толстой и его «Война и мир» потускнели с тех пор, как и начал изучать исторические оригиналы, с которых он писал. Декабристы в действительности интереснее и выше, чем толстовские Пьер и князь Андрей. Достоевский — тот, вообще, рисовал не людей, а олицетворял метафизические идеи.

Чехов дал нам первую галерею живых лиц. Чеховские дети — настоящие подлинные дети. П. М. Бицилли несколько раз читал детям детские рассказы Чехова и всякий раз мог убедиться, до чего они реальны. Дети рассуждали о чеховских персонажах, как о своих знакомых, с которыми только что играли. Чеховские животные его «Каштанка» — непревзойденные образы подлинных животных. Сравнивать его в этом отношении можно только с Киплингом, тогда как даже Л. Н. Толстой заставляет своего «Холстомера» рассуждать о собственном

сти, что звучит фальшиво для психологического мира лошади.

Чехов сознательно не пытался рисовать героев, потому, что они не гармонизировались с его чувством правды. Но он, например, первый в русской литературе дал правдивый, далекий как от паржа, так и от шаблонного возмещения тип русского ученого в лице профессора из «Скудной истории».

Если угодно, Чехов один раз нарисовал идеальный образ, правда, жестокий. Это его знаменитая «Душечка», пережившая своих мужей, мыслями и чувствами которых она жила в словах которых горела и нашедшая последнюю пристань в духовном мире своего подростка — сына.

Тут мне пришлось на собрании выступить в некоторую полемику с блестящими автором доклада о Чехове. Я позволил себе указать ему, что его мнение о «Душечке», как об идеальном типе, созданном Чеховым, очень остроумно и изящно, но по существу своему это — все же только бутылка. Такой тонкий психолог, как П. М. Бицилли, не мог не замечать иронической улыбки Чехова, с которой он творил свою «Душечку». Если уж говорить серьезно об идеальном порыве у Чехова при создании женского образа, то надо вспомнить не «Душечку», а «Даму с собачкой». Образа идеального человека нет и там. Но в этом рассказе с большой яркостью запечатлены тот идеальный образ человеческих отношений, действительно владели душой Чехова. Это — не политическая, не формальная, но истинная, душевная, жизненная свобода, которая была присуща крупным русским людям в русской жизни, вообще. Эта любовь захватывала и иностранцев, живших в России. Ею можно объяснить и нынешний успех Чехова в Европе. «Да-

ма с собачкой» в этом отношении очень родственна недавнему прекрасному рассказу Бунина «Солнечный удар». Политически И. А. Бунин стоит теперь на правом фланге русской мысли. Но в своем художественном творчестве он проникнут той же тягой к предельно духовной и жизненной свободе, как и Чехов. А над обоими висит гигант — Пушкин с его знаменитой «Одой из Пандемонте»:

Зависть есть властей, зависть есть на рода...

Не все ли нам равно!..

П. М. Бицилли вполне согласился, что указанная мною свобода, действительно составляет сердцевину чеховского творчества. Говоря о чеховском стремлении к полной правде, он имел в виду и эту свободу.

Молодой талантливый поэт Эйснер в развернувшейся беседе высказал, что для него и для людей его поколения никаких «сумерек» 80-х годов не существует. Любить они Чехова и с наслаждением читают его не потому, чтобы у него было какое-либо общественное мировоззрение, а потому, что Чехов — поэт и от его рассказов влечет неумирающей красотой поэзия, и юмором.

Права был председательствовавший на собрании В. Ф. Булгаков, когда утверждал, что доклад П. М. Бицилли — веха в истории современной русской литературы. Он положил начало пересмотру старого литературного процесса, а в результате этого пересмотра русская литература получит нового великого писателя. У нас уже бывали такие пересмотры. Они нам дали в свое время Баратынского, Тютчева, Фета, поздние Лескова, которых еще в 70-х годах прошлого века критика третирует, как второсортных писателей.

А. С. ИЗГОВЬ,

Прага.